

Евгений
Рудашевский

ГОРОД СОЛНЦА

ГОЛОС КРОВИ

КомпасГид
издательский дом

Город Солнца

Евгений Рудашевский

Город Солнца. Голос крови

ИД "КомпасГид"

2019

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2=411.2)6-44

Рудашевский Е.

Город Солнца. Голос крови / Е. Рудашевский — ИД
"КомпасГид", 2019 — (Город Солнца)

ISBN 978-5-00083-707-8

Макс и его друзья наконец летят в Перу. Эта уникальная страна, скорее всего, станет последней точкой в их путешествии, если только всё сложится так, как задумано. У героя в руках – старинная статуэтка неизвестного божества, которая должна указать путь к мистическому Городу Солнца. На поиски этого места всю свою жизнь потратил отец. Он таинственно исчез семь лет назад, оставив за собой цепочку из шифров, загадок и криптограмм. Максим уже побывал в Индии и Шри-Ланке, но казавшаяся близкой разгадка всё ещё не найдена, и неизвестно, удастся ли отыскать затерянный в джунглях Амазонки город. Да и вообще, существовал ли он? Тетралогия «Город Солнца» соединяет в себе детектив, семейную сагу и триллер. В третьей книге читателя ждут новые головоломки, поразительные исторические и этнографические детали, а также лихо закрученный сюжет. Евгений Рудашевский (родился в 1987 году) – возможно, главный знаток подростковой психологии среди современных российских авторов. Чувства и мысли девятнадцатилетнего героя автор воспроизводит так точно, словно сам не становился взрослым.

УДК 821.161.1-31-93

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-00083-707-8

© Рудашевский Е., 2019

© ИД "КомпасГид", 2019

Содержание

Глава первая. Артуро	7
Глава вторая. Стела Раймонди	11
Глава третья. Два ключа	17
Глава четвёртая. Стена рубежей	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Евгений Рудашевский

Город Солнца. Книга 3. Голос крови

© Рудашевский Е. В., текст, 2019

© Оформление. ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

* * *

In angello cum libello

Ни к чему жертвовать настоящим ради грядущего, ибо никто не ведает, что уготовано нам впереди. Разве не так, Инкубу? Давай срывать цветы, покада они ещё мокрые от росы, ведь когда взойдёт солнце, они засохнут и увянут, а следующим утром расцветут новые, которых мы можем и не увидеть.

Генри Райдер Хаггард

*И оттого в отчаянье немею,
Что символов огромных не постиг
И никогда постигнуть не сумею.*

Джон Китс

Глава первая. Артуро

Встреча не предвещала ничего хорошего. В субботу к Артуро заглянул посыльный – предупредил, что нужно будет явиться в офис по первому требованию. Ни объяснений, ни комментариев. Назревало что-то важное, и в субботу Артуро не спал всю ночь. Судорожно проверял телефон, заглядывал в почту, сам звонил в офис, беспокоя охранника напрасными расспросами. Уснул только к рассвету.

С тех пор прошло три дня. Новостей по-прежнему не было. Оставалось ждать, и Артуро, растревожившись, отправился сюда, на прибрежную окраину одного из наиболее скверных кварталов Трухильо. Местные перуанцы называли его Буэнос-Айресом. Если заочно можно было нафантазировать яркие краски карнавалов, застеклённые бассейны на многоэтажках, то действительность наводила на единственную аналогию с одноимённым городом – почти трущобную бедность и до убогости грязный каменистый пляж. Именно здесь жила тётя Иса.

– Чего ты хочешь?

Она часто встречала гостей этим вопросом. В нём не было упрёка или заботы. Пустые, не наполненные эмоциями слова. Артуро к ним привык. Первое время возил тётю по клиникам, надеялся найти лекарство, способное хоть на какое-то время вернуть ей память, в прошлом году даже вызвал гипнолога – тот тщетно пробыл с тётей два дня и, положив в кошелёк триста пятьдесят солей, в итоге заявил, что скорее заговорят мёртвые камни Ики. Глупая шутка. Очередной мошенник, и только.

– Чего ты хочешь?

– Ничего, тётя, уже ничего.

Пробудившись от беспамятства и увидев свою новую жизнь, Иса пришла бы в ужас. Возможно, согласилась бы добровольно вернуться в забвение. Ещё десять лет назад она жила на возвышенности у Малаги, в пяти километрах от «Венты-эль-Тунель» с их прекрасным супом пикадилю. У тёти были двухэтажный дом, оплетённая плющом веранда с видом на цветущие, по-андалусски сухие холмы, а теперь она безвылазно ютилась в комнатке с грубо оштукатуренными стенами. Под стать этим переменам изменилась и внешность Исы. Ей едва исполнился пятьдесят один год, но выглядела она старухой: желтоватая седина, пигментные пятна и вздувшиеся суставы проявились так же разительно, как и помешательство. Её мужу, Гаспару Дельгадо, повезло ещё меньше. Он умер от лихорадки в верховьях Амазонки. По меньшей мере так говорилось в документах, которые Артуро вручили в Испании почти девять лет назад.

– Чего ты хочешь? – настойчиво бормотала Иса. Сегодня задавала свой вопрос чаще обычного, будто чувствовала обеспокоенность племянника.

Артуро прошёлся по изъеденным влагой половицам, бережно расправил шерстяной палантин – укрыл им сидевшую в кресле тётю.

– Всё будет хорошо. Осталось совсем немного.

История с Городом Солнца и приходной книгой таинственного коллекционера поначалу звучала довольно любопытно, но в целом заурядно. Дядя щедро делился с племянником деталями, рассказывал ему о грандиозном мошенничестве, благодаря которому коллекционер многие годы торговал картинами погибших художников. Артуро, в те годы – преподаватель истории в старшей школе, помогал Гаспару искать архивные материалы. А затем... затем появился русский исследователь Шустов, и дядя отдалился от Артуро; под конец и вовсе, никого не предупредив, уехал с женой в Перу. Долгое время не звонил, не писал, а потом прислал родственникам открытку с просьбой не беспокоиться. «Я ещё задержусь. Нужно уладить кое-какие дела».

– *Уладить кое-какие дела...* – прошептал Артуро, глядя на тётю.

Сел за письменный стол. Поправив очки, открыл «Чавин и происхождение андской цивилизации» археолога Ричарда Бургера. Пробежался по строкам очередной главы. Мысли упрямо возвращались к предстоящей встрече. Захлопнул книгу и, в раздражении вскочив со стула, принялся ходить по комнате. Крутил в руках серебристую «зиппо». Дядина зажигалка. Реплика сорок первого года с чуть шершавыми боками и отполированными закруглёнными углами. Артуро отщёлкивал крышку, чиркал колёсиком и с ещё более громким щелчком закрывал едва загоревшийся фитиль. В воздухе оставался приятный запах бензина.

Артуро без интереса поглядывал на развешенные по стенам карты и листки с записями. Здесь было всё, что ему удалось разузнать о возможном местоположении Города Солнца, в чьё существование так беззаветно верил Шустов. Артуро перебрался в Трухильо три года назад – правда, жить в дядиной квартире отказался, предпочёл снимать отдельный дом в центре, – и с тех пор по крупицам восстанавливал общую картину того, что было известно дяде Гаспару. Сверялся с хрониками, оставшимися от миссионеров, солдат и простых исследователей времён конкисты, особое внимание уделял истории Перу конца восемнадцатого века. В результате только распалил собственное любопытство и окончательно упёрся в тупик.

Прошлым летом, отчаявшись, перенёс сюда, в дядину квартиру на Антонио Матея, все свои материалы – надеялся, что знакомые фотографии, названия, репродукции картин из приходной книги в какой-то мере пробудят тётю от беспомыслности. Иса могла бы многое рассказать... Артуро установил здесь камеры – следил, как тётя в сомнамбулическом отрешении подходит к столу, как прикасается к старинным картам Виллема Блау и к картам, которые составил сам Артуро, как рассматривает снимки собственного мужа, однако вменяемой реакции не дождался. С таким же мнимым вниманием тётя вела руками по шершавым стенам и так же заторможенно ощупывала листья герани, которую однажды принесла сиделка.

– Чего ты хочешь?

Артуро в раздражении закрыл зажигалку – до того порывисто, что едва не выронил её. Затем, смягчившись, поправил палантин на коленях Исы и прошептал:

– Всё будет хорошо. Да... *Ключ* у меня в руках. Осталось найти *замочную скважину*. И ведь ты... ты знаешь, где она. Знаешь, но молчишь. – Помедлив, Артуро усмехнулся.

В несчастьях его семьи в самом деле крылось немало иронии. Ведь Артуро добровольно взялся за поиски Города Солнца. И это после того, что Скоробогатов сделал с ним и с его сестрой, теперь прикованной к инвалидному креслу... Артуро спустил на поиски все свои деньги, а заодно деньги оставшихся в Испании родителей. В итоге снарядил две небольшие экспедиции по следам Шустова, который отправился в джунгли Амазонии не позже пятнадцатого года – спустя шесть лет после того, как умер дядя Гаспар. Если тот действительно умер. Сфальсифицировать собственную гибель... Безумие. Зачем? Поначалу подобный обман казался бессмысленным и жестоким – ровно до тех пор, пока Артуро не узнал, на что способен Скоробогатов. Увидев в больнице избитую сестру, понял: смерть могла стать для Гаспара чуть ли не единственным спасением. Но почему дядя вообще разорвал отношения с Аркадием Ивановичем, долгое время финансировавшим его исследования? Как бы там ни было, две экспедиции Артуро прошли безрезультатно, а денег для третьей не осталось.

– Чего ты хочешь? – одними губами спросила тётя Иса.

Артуро вновь ходил по комнате, щёлкая зажигалкой и с раздражением поглядывая на развешенные по стенам карты.

«Нужно ещё немножко потерпеть. Скоро наши лишения окупятся», – сказал он родителям полгода назад, когда услышал, что на аукционе в Москве выставили картину Александра Берга – ту самую, под внешним слоем которой скрывалось одно из немногих изображений Города Солнца. Картину не то похитил, не то получил в подарок Шустов. А теперь она всплыла. Хороший знак. Всю весну и всё лето Артуро провёл в беспокойном ожидании, и вот три дня

назад посыльный предупредил его о важной встрече в офисе. *«Явиться по первому требованию»*.

– «Золото – это совершенство, – Артуро вслух прочитал выписанную на листке и приколотую к стене цитату. – Золото создаёт сокровища, и тот, кто владеет им, может совершить всё, что пожелает, и способен даже вводить человеческие души в рай».

Неутомимый генуэзец Христофор Колумб знал, о чём говорит.

Конкистадоров в своё время ослепило богатство инков. Один только храм Солнца лишил их всякого разумения: его внутренние и внешние двери были обшиты золотыми пластинами, фасады окаймлял массивный золотой бордюр, одну из стен целиком занимало гигантское золотое солнце с человеческим ликом. Разве могла такая картина оставить испанцев равнодушными? Впрочем, ни о чём подобном Артуро не мечтал и, уж конечно, не считал Город Солнца сказочным Эльдорадо в каком бы то ни было виде. Когда в середине шестнадцатого века испанская корона отменила запрет на новые экспедиции, прежние конкистадоры, в то время сидевшие без дела и докучавшие местным властям своими загулами, самозабвенно бросились в глухую сельву Новой Гранады и Гвианы – мечтали найти золотой город, построенный не то муисками, не то самими инками, а в итоге нашли жестокую смерть от тропических заболеваний, от диких зверей и от рук воинственных индейцев. Уже тогда, в шестнадцатом веке, можно было раз и навсегда отбросить любые надежды отыскать мифические богатства. Так что нет, об Эльдорадо Артуро не думал. Однако верил, что Город Солнца таит исключительные богатства. Не зря к нему с такой одержимостью стремились и русский мануфактурщик Затрапезный, и перуанский плантатор дель Кампо, а теперь и Скоробогатов, конечно же, мечтавший за счёт этой авантюры увеличить своё состояние.

Не надо никаких муисков с их позолоченными вождями. Достаточно брошенной, недо конца разработанной или вовсе никому прежде не известной шахты. Взять хотя бы золотые копи Мартирса, в восемнадцатом веке обследованные и частично разработанные португальцами, а затем, после восстания рабов, навсегда затерянные в бескрайних джунглях плато Мату-Гросу. Дель Кампо с Затрапезным вполне могли наткнуться на подобные копи и обследовать их втайне от вице-короля, который больше интересовался революционными настроениями в Перу, чем контролем за потоками добываемого золота и серебра.

– Не обязательно копи, – шептал Артуро, глядя через зарешеченное окно на привычно тихую улицу. – Хватило бы индейских украшений, они сейчас в цене. – Говорил вслух, будто надеялся, что тётя Иса его поймёт. – Нужно немножко потерпеть. Ещё чуть-чуть...

Зазвонил телефон. Артуро не сразу понял, откуда доносится мелодия. Потом рванул через комнату к столу.

*Tengo la llave, ¿ahora dónde
buscar el ojo de la cerradura,
maldita sea?*

Услышав, как его просят явиться в офис, не решился выпрашивать о предстоящей встрече. Боялся очередного разочарования. Окончательно придя в себя, убрал так и не дочитанную книгу в коробку из-под фотоаппарата, задвинул её под стол.

Взглянул на часы. Половина седьмого. Скоро придёт соседка. Приятная женщина. Артуро платил ей, и она ухаживала за тётей – заглядывала к ней три раза в день.

– Прости, мне пора.

Артуро склонился над Исой. Снял палантин. Как и всегда, убрал его в стоявший за столом сейф, где палантин хранился последние годы – с тех пор как его туда положил дядя Гаспар.

Через полчаса Артуро уже поднимался по лестнице офисного здания на кольцевом проспекте Эспанья. Никогда не пользовался лифтом. Приятно чувствовать, как напрягаются мышцы здорового тела. Шаг за шагом. И ровное, не сбитое на подъёме дыхание. Под конец не мог удержаться – гадал, кого именно увидит там, на пятом этаже.

Не ждал ничего хорошего. Подозревал, что ему предстоит разговор с кем-то из старых знакомых, а когда наконец распахнул двери приёмной, замер на пороге. В нерешительности обернулся, будто надеялся, что его подтолкнут – помогут одолеть растерянность и пройти внутрь. Пожалуй, Артуро с меньшим удивлением обнаружил бы, что за столом сидит сам Скоробогатов.

Неуверенно сделал несколько шагов вперёд. Прочистил горло – не хотел, чтобы голос ему изменил, – и уверенно произнёс:

– Простите, что заставил ждать. Не знал, что увижу вас.

Чутьё не подвело. Назревали долгожданные перемены.

Глава вторая. Стела Раймонди

Во времена испанской короны путь в Лиму, столицу Перу, занимал до восьми месяцев. Любого, кто хотел насладиться видами Нового Света, ожидало утомительное, местами тревожное путешествие – в безопасности не чувствовали себя даже торговцы с вооружённым конвоем. Отплыв из Севильи, нужно было сделать несколько пересадок: для начала на Канарских, затем на Малых Антильских островах. Одолев Атлантический океан, предстояло отдохнуть в Гаване и лишь после этого отправиться в Картахену, расположенную на северной окраине Южной Америки, – путь туда порой затягивался на долгие двадцать дней из-за постоянной угрозы свирепствовавших корсаров. Затем надлежало отплыть к перешейку у Пуэрто-Бело, откуда вся поклажа отдельно от корабля перебрасывалась по берегу в Панаму. Наконец, дальше открывался прямой путь в тихоокеанский порт Кальяо, и оттуда уже можно было беспрепятственно добраться до Лимы. Путь из перуанской столицы в отдалённые, уже обустроенные испанцами уголки Перу мог затянуться ещё на дополнительные пять месяцев.

– Целый год! – с восторгом говорил Дима, когда они с Максимом и Аней шли к синему автобусу аэроэкспресса. – Да за это время можно на Марс слетать! А теперь – двенадцать часов, и мы на месте. И виза не потребовалась.

Ещё в Индии Дима заявил сестре, что напишет книгу обо всех приключениях, связанных с Городом Солнца. Возможно, так надеялся впоследствии оправдать перед деканатом своё отсутствие в университете – занятия начались две недели назад, однако возвращаться в Москву Дима, как и Аня, отказался. Последние дни в Ладакхе увлечённо готовился к предстоявшей поездке: листал расшифрованные тетради Шустова-старшего, читал об истории Перу, изучал карты конкистадоров.

– Смотри, – Аня указала на плакат с раззявившим пятнистую пасть кайманом. – Я бы не хотела с таким познакомиться.

Максим пожал плечами. Всё происходило слишком стремительно. До поездки в Индию он вообще не бывал за границей. Ещё полгода назад, сидя у себя в подмосковном Клушино, не мог и представить, что окажется здесь, в Южной Америке, – будет рассматривать рекламные плакаты с Андами, озером Титикака, амазонскими кайманами и стоявшую фоном, отчасти скрытую в полупрозрачном тумане гигантскую упаковку кока-колы на десятиметровом столбе.

В автобусе Дима, прихрамывая после долгого перелёта, сел на первый ряд. Бросил на соседнее место свой чёрный рюкзак и пристроил на коленях новенькую трость с ручкой в виде головы дракона. Трость появилась у Димы после дней, проведённых в плену, – в Шри-Ланке он сам позволил людям Скоробогатова себя схватить, дал возможность сестре и Максиму уехать в Нубрскую долину. Такой жертвой надеялся отчасти искупить вину за смерть Джерри. Сальников добрался до монаха из-за Диминой глупости, и Максим до сих пор ловил себя на неприятных подозрениях, не знал, может ли тому доверять.

Когда автобус, едва заполнившись на треть, выехал со стоянки, Аня положила голову Максиму на плечо. Видя, как сестра проявляет к нему нежность, Дима поначалу хмурился, а теперь, кажется, привык. Ничто не мешало ему развернуться к ним, сидевшим на втором ряду, и рассказывать о Лиме – с такой поучающей интонацией, будто Дима выступал перед школьниками на экскурсии.

Максим почти не слушал друга. Уставившись невидящим взглядом в окно, думал о маме. Вспоминал *подарок* от Скоробогатова – девять фотографий, сделанных в Иркутске, в районе Лисихи, где сейчас жили мама и отчим. Люди Скоробогатова нашли их, следили за ними... Максим не мог позвонить маме, не мог рассказать, куда и зачем отправился, – опасался, что подставит её под удар. Перед отлётом из Индии только перевёл ей на карточку треть найденных

в отцовском тайнике денег. В сообщении получателю написал: «За вами следят. Это деньги отца». Зашифровал послание по ключевому слову «Изида». На всякий случай.

Дима тем временем, сверяясь с конспектами в ноутбуке, рассказывал, что в колониальные времена Лима была богатейшим городом Нового Света, по религиозному значению названным второй Византией, по красоте возведённых храмов – вторым Римом, а по значимости университетов – второй Саламанкой. Живописал местную калье-де-лос-меркадерос – торговую улицу с пёстрыми рядами сотен торговых лавок – и удивительную планировку Лимы, задуманной в форме шахматной доски. Аня, довольная, кивала. Кажется, ей тоже нравилось представлять себя вольным путешественником. Она слушала брата, с увлечением смотрела в окно на окраины Лимы, вслух подмечала, как над обрывом городского пляжа реют парапланеристы с антеннами метровых моноподов.

Максим с радостью разделил бы её чувства, однако ни на мгновение не забывал, что в его экспедиционной сумке лежат статуэтка Инти-Виракочи и открытка, которую в две тысячи тринадцатом году, через четыре года после своей предполагаемой смерти, отправил Гаспар Дельгадо. Единственная надпись «Приезжай, мой друг, всё готово» не содержала конкретных указаний, однако на лицевой стороне открытки красовалась диковинная стела Раймонди из Национального музея археологии, антропологии и истории города Лимы, и Максим ухватился за эту деталь. Не представлял, как именно поступить, когда окажется в музее, где там искать следы отца и какую роль в итоге сыграет найденная под стопой Будды диковинная статуэтка, однако надеялся, что решение, как не раз случалось, придёт само собой, на месте. К тому же ещё оставалась последняя, неиспользованная подсказка Шустова-старшего: «*Вместо крови прольётся вода*», – Максим давно отчаялся понять её значение.

Устав от рассуждений, достал из сумки старенький букридер «Оникс» и постарался отвлечь себя чтением. Теперь, как и весь трансатлантический перелёт, читал «Капитана Блада». История, упомянутая монахом Джерри, неожиданно увлекла Максима, а лучшего способа развеяться сейчас всё равно не было. В самолёте он даже прочитал Ане небольшой отрывок: «Когда вы узнаете историю жизни Блада, не только минувшую, но и грядущую, вы поверите, – правда, не без труда, – что, если бы не превратность судьбы, которую ему предстояло очень скоро испытать, он мог бы долго ещё продолжать тихое существование в глухом уголке Сомерсетшира, полностью довольствуясь своим скромным положением захолустного врача. Так могло бы быть...»

На Аню отрывок впечатления не произвёл, а вот Максиму слова о *превратности судьбы* понравились. Ведь и он вполне мог бы довольствоваться скромным положением студента журфака – без зашифрованных посланий, тайников, угроз и неотступных намёков на дурацкую *mysterium tremendum*. Запутавшись, Максим сейчас не мог с точностью сказать, какую жизнь предпочтёт: в покое прежнего *филистерского рая* или в постоянных приключениях, о которых мечтал отец. «Ты не знаешь, о чём он мечтал на самом деле». – «И не хочу знать». – «Да и какой толк думать о выборе? Его за тебя сделали другие». – «Быть может, к счастью». – «Да... Иногда сделать выбор сложнее, чем следовать ему».

Никак не мог привыкнуть к диалогам с самим собой. В раздражении захлопнул крышку букридера. Не получалось сосредоточиться на чтении, да и Дима отвлекал рассказами о Лиме. К счастью, автобус вскоре остановился на кольце проспекта Хосе Пардо, и Максим поторопился первым выйти на тротуар.

От кольца до хостела, расположенного на улице Сесарео Чакальтана, добирались пешком. Едва сбросив вещи, вернулись на улицу – сидеть в номере, несмотря на городскую жару, никто не захотел. К тому же Диме требовалось размять отёкшую ногу. Длительный перелёт с пересадкой в Мадриде стал для него неприятным испытанием.

Поразмыслив, решили пойти наугад, без определённой цели. Музей археологии всё равно уже закрылся.

Вдоль дороги тянулась сплошная застройка из двух- и трёхэтажных кирпичных домов с почти плоскими черепичными крышами. Жилые здания, одинаково прямоугольные, были выстроены в одном стиле, что не мешало их владельцам раскрашивать стены в свой собственный цвет: к белоснежному дому единым фасадом примыкал бордовый, далее шли синий или зелёный – в результате создавалась аляповатая мозаика городской застройки. Такую разношёрстность усугубляли неказистые волдыри однокомнатных надстроек, редкие балкончики и двухметровые заборы с острыми пиками, ограждавшие наружные дворики каждого здания в отдельности. Сами дворики были то забетонированные и безжизненные, то полностью усаженные тёмной растительностью и редкими вкраплениями цветов.

Максим не мог избавиться от навязчивых мыслей. Боялся, что затея с музеем окажется бессмысленной. Даже не был уверен, что там искать, к кому обратиться. «Ты сделал всё, что мог, теперь доверься судьбе». – «Звучит фаталистично». – «И пусть». Максим продолжал терзать себя сомнениями, а потом Аня ненадолго взяла его за руку, и живое тепло её маленькой ладони принесло неожиданное облегчение.

– Как пальцы? – спросил Максим.

Аня с сомнением вытянула вперёд левую руку. Гипс сняли ещё в Индии, но кожа на двух прежде сломанных пальцах по-прежнему выглядела сморщенной, будто распаренной после ванны.

– Болит?

– Нет. – Аня осторожно разогнула мизинец и безымянный палец. Отчего-то старалась держать их прижатыми к ладони. – Всё в порядке. Уже не вспоминаю.

Чем дальше они уходили от района Мирафлорес с его ухоженными аллеями, тем чаще попадали в бедные, затихшие в преддверии сумерек кварталы. В пять часов резко ослабла жара, а к семи и вовсе установилась мягкая парная погода. Небо скоротечно меняло цвет: только что лежало розовое, почти сиреневое – не отдельными пятнами над горизонтом, а всё целиком, – а теперь укрылось лиловыми полосами. Прошло ещё несколько минут, прежде чем солнце утонуло в безбрежном Тихом океане, и небо мгновенно затянуло сгущённой и в то же время лёгкой синевой.

– Скоро уже полгода.

– Да. – Аня резко повернулась и встала перед Максимом. Он неловко уткнулся в неё. Они так и замерли, будто невольно прижатые друг к другу городской теснотой. – Мы в конце марта познакомились. Так что да, полгода.

– Точно...

Аня уловила растерянность в его голосе и поняла свою ошибку. Мельком взглянула на брата – тот задержался возле колониальной церквушки, сейчас осматривал орнамент на её деревянных воротах – и спросила:

– А ты о чём?

– Я... Ну, хотел сказать, что полгода назад мама повезла меня на аукционную выставку, – тихо признался Максим. – Тогда я впервые увидел «Особняк».

– Да... – Аня опустила взгляд. – Тогда ты и не подозревал, чем всё закончится.

– Ещё не закончилось.

– Теперь мы хотя бы знаем, как объяснить путаницу с датами Берга. И то хорошо.

Максим неуверенно кивнул. Из расшифрованных тетрадей отца стало ясно, что Александр Берг был далеко не единственным художником, продолжавшим творить уже после своей официальной смерти. Более того, «Особняк» он написал по чужим зарисовкам, которые Затрапезный зачем-то заказывал в Москве, а затем отправлял в Перу.

Аня теребила пуговицы блузки. Её губы разомкнулись, в них будто затаилось невысказанное. И Максим уже не вспоминал ни картину Берга, ни открытку Дельгадо. Изучал Анино

лицо. Прежде не задумывался, можно ли назвать Аню красивой, а сейчас понял, что два месяца в Индии заострили её внешность, сделали более выраженной и потому притягательной.

Максим поцеловал Аню.

Их губы осторожно соприкасались, выпускали тихое дыхание, ненадолго замирали, а затем с опаской продолжали немой осязаемый разговор.

Максим с Аней так и стояли прижавшись друг к другу, не связанные объятиями, не поднимая рук. А потом Максим отстранился. Открыв глаза, заметил в Анином взгляде светлую поволоку удовольствия и почти сонное отрешение. И всё же отступил на шаг. Вспомнил Лизу – поцелуй в Клушино, последнюю встречу в Ауровиле, когда Лиза, уже открыв своё настоящее имя, помогла бежать от обезумевших Сальникова и Баникантхи. *«Считай, это в моих интересах»*. Вспомнил и то, как Аня с Лизой сидели у него дома. Такие разные, совсем непохожие друг на друга.

Тем временем Анин взгляд прояснился. Она улыбнулась, заметив, что её брат, по-прежнему стоя возле церкви, поглядывает на них и насупленно постукивает тростью по бордюру.

– Пора назад, – заметил Максим. – Темнеет.

В хостел вернулись к десяти часам. Под конец у Димы так разболелась нога, что в Мирафлорес пришлось ехать на такси. Однако это не помешало Диме перед сном – Аня жила в отдельном номере – целый час докучать Максиму рассказами о буйствовавших тут полтысячелетия назад конкистадорах, а потом ещё минут десять говорить о планах изначально написать предельно откровенную книгу с указанием всех имён и только при редакции задуматься об отдельных купюрах.

– Если мы вернёмся домой живыми... – засыпая, протянул Максим.

– То что?

– ...то тебя потом убьют из-за твоей книги.

– Вот и хорошо! – хохотнул Дима. – Представляешь, какая реклама! Весь тираж раскупят за несколько дней.

– Ну да. Воздвигнут тебе памятник и будут курить фимиам.

– Лучше так, чем от водки и от простуд.

– Это точно...

К восьми утра, как и было запланировано, добрались до Музея археологии на Пласа Боливар. Высокие окна жёлтого двухэтажного здания были неприветливо забраны чёрной решёткой, за которой к тому же темнели наглухо закрытые чёрные ставни, но парадный вход уже раскрыл свои двери, и по бетонным ступеням Максим поднялся напрямик во внутренний двор со стриженным газоном. Аня и Дима молча последовали за ним и вскоре увидели, что по обе стороны двора тянутся крытые галереи с шахматной плиткой – оттуда посетители попадали в отдельные комнаты экспозиций.

Максим свернул налево, к билетной стойке. Спросил там о Гаспаре Дельгадо. Аня перевела его вопрос на испанский. Кажется, заодно добавила что-то от себя. Администратор поначалу развёл руками, но потом согласился сходить в дирекцию, уточнить, работал ли когда-нибудь Дельгадо в музее и где мог сейчас находиться.

Дима в разговоре участия не принимал. Какое-то время разглядывал ближайшие витрины с экспонатами, а затем вдруг оживился и быстро зашагал по левому крылу галереи. Охранник с подозрением посмотрел ему вслед.

– Макс! – позвал Дима. – Смотри.

Максим, проигнорировав недовольство охранника, последовал за другом и вскоре увидел застеклённую громадину барельефа – того самого, что был изображён на открытке Дельгадо. Стела Раймонди. Жутковатое изображение коренастого человека со звериными клыками и когтями. В руках он держал толстые копья, больше напоминавшие тотемные столбы, а на его голове возвышалась многоуровневая шапка со змеями и похожими на лица узорами.

– Жуть какая-то, – подошла Аня.

– Если бы открытку отправил твой отец, – сказал Дима, – я бы не сомневался, что он неспроста выбрал именно этот барельеф. А так...

Максим, будто не уверенный в сходстве, достал открытку. Приложил её к стеклу витрины.

– Совпадает.

– «Лица на стеле выглядят законченными вне зависимости от того, смотрите вы на них сверху вниз или наоборот, – прочитала Аня на табличке. – Высокая сложность художественного исполнения подчёркивает исключительный уровень развития цивилизации чавин, несмотря на то что они жили и развивались задолго до нашей эры».

– *Чавин...* – Максим не сводил взгляда с барельефа.

Отец упоминал этот народ в своих зашифрованных тетрадах. Шустов-старший писал, что узоры на теле Инти-Виракочи, главного символа Города Солнца, напомнили ему именно чавинские узоры. Значит, стелу, полтора столетия назад найденную и впервые изученную итало-перуанским географом Антонио Раймонди, Гаспар Дельгадо выбрал не случайно. Однако, если в её изображении на открытке и был какой-то скрытый смысл, он пока что ускользал от Максима.

– А ведь правда. – Аня скособочилась, стараясь взглянуть на барельеф снизу вверх. – Если так смотреть, то появляются другие лица. Такие же страшные, но другие.

Дима хотел последовать примеру сестры, но к ним из-за стеклянной будки сувенирного магазина вышел Лиус Васкес Санта Крус – руководитель библиографического фонда историко-археологических исследований. Именно так он представился. Сублильный мужчина с раздутым бурым лицом и грубоватыми индейскими чертами. Его взгляд выдавал любопытство, но лицо казалось насупленным. Из последовавшего разговора выяснилось, что Лиус знал Гаспара Дельгадо и даже встречался с ним незадолго до его смерти, однако сообщить каких-либо особых сведений о нём не мог.

О Шустове-старшем никогда не слышал.

О Затрапезном тоже.

Возможно, встреча так бы и закончилась – напрасная, бесплодная, но под конец Лиус заметил в руках Максима открытку и оживился.

– Можно? – спросил он по-английски и тихо добавил что-то по-испански.

– Что он сказал?

– Сказал, таких открыток давно не выпускают, – перевела Аня.

– «Приезжай, мой друг, всё готово», – прочитал перуанец. – Что же вы сразу не показали?

Дима с Максимом удивлённо переглянулись. Значит, их план сработал. Зацепка в самом деле оказалась зацепкой, к чему бы она в итоге ни привела.

Лиус увлёк их по галерее в дальнюю часть двора, где за белой невзрачной дверью обнаружился его кабинет – обставленный по-офисному однообразно, если не считать нескольких выставочных плакатов и расставленных по книжным полкам цветастых быков с нелепым чубом между рогами.

– Присаживайтесь.

К разочарованию Максима, перуанец не стал оспаривать гибель Дельгадо. На большинство вопросов вновь пожимал плечами, однако открытку не выпускал – то и дело переворачивал, словно не верил в её подлинность. Наконец достал из ящика в столе продолговатую, сантиметров пятнадцать в длину, картонную коробочку. Крест-накрест перемотанная скотчем. Никаких надписей или рисунков. В такие, надо полагать, в музейном сувенирном магазине упаковывали глиняные поделки.

– Вот. Я должен передать вам это, – произнёс Лиус.

По тому, с какой надеждой он посмотрел на Аню, Максим понял, что перуанец действительно знал не так уж много. Возможно, и сам надеялся услышать от неожиданных гостей что-нибудь интересное.

– И ещё. – Лиус ненадолго отвлёкся, чтобы найти нужную запись в блокноте. – Три года назад сюда приходил племянник Гаспара.

– Племянник?

– Да.

– И вы не отдали ему коробочку? – удивился Максим.

Аня переводила непринуждённо и быстро.

– У него не было открытки. – В голосе перуанца угадывалась улыбка. – Племянника Дельгадо зовут Артуро. Он оставил номер своего телефона. На случай, если что-то станет известно о гибели... или жизни Гаспара. Вот, возьмите, – Лиус вырвал из блокнота листок и передал его Ане.

– Открытка была условным знаком, да? – спросил Дима.

– Не переводи, – вмешался Максим. – Это и так ясно. Лучше спроси, кто оставил коробочку.

– Её оставила Исабель, жена Гаспара, – ответил перуанец. – В тринадцатом году.

– Через четыре года после смерти Дельгадо...

– И в тот самый год, когда Сергей Владимирович получил открытку, – добавил Дима.

Максим, качнув головой, попросил Аню не переводить их разговор. Потом спросил у Луиса:

– А открытка? Её отправил именно Гаспар?

– Этого я вам сказать не могу.

– Потому что не знаете или потому что не хотите?

– Как вам больше нравится, так и считайте. – И вновь при общей хмурости Лиуса весёлость в его голосе прозвучала неестественно, почти натужно.

Максим положил коробочку себе в сумку. Уловил разочарование в глазах перуанца. Тот, конечно, надеялся увидеть содержимое посылки. Напрасно. Коробочку Максим решил вскрыть уже в хостеле.

Глава третья. Два ключа

В Индии, когда они заполучили статуэтку Инти-Виракочи, когда осознали, что намеченный Шустовым-старшим путь увлекает их в далёкое Перу, Аня согласилась написать родителям подробное письмо о своих и Диминых приключениях. Позже брат поддержал её решение. Они тогда рассудили, что папа их подстрахует – в случае чего выложит все материалы в интернет. Письмо в итоге было написано и отправлено, вот только его содержание в конечном счёте оказалось иным.

Максим верно заметил, что Скоробогатов едва ли решится похитить Василия Игнатовича. Папа был видным человеком, и его исчезновение вызвало бы значительно больше вопросов, чем исчезновение Абрамцева из «Старого века» или Погосяна из Русского музея. Скоробогатову не было нужды так рисковать. С другой стороны, папа, узнав имена тех, кто преследовал его детей, захочет вмешаться. Это точно. И тут никакими доводами его не остановить. Ещё не зная, на что способен Скоробогатов, папа погорячится, а значит, погубит и себя, и маму. Так что от идеи написать правду Аня отказалась. Но и молча игнорировать звонки родителей виделось ей нестерпимо жестоким. На выручку пришёл Дима.

Брат предложил подкинуть родителям историю – достаточно правдоподобную и способную на время отвлечь их внимание. Первое время не удавалось придумать ничего путного, а потом Дима, развеселившись, заявил, что его очаровала сумасшедшая индуистка:

- С выбритой головой, с тоннелями в ушах...
- И с татуировкой колибри на лице? – не сдержался тогда Максим.
- Именно так!
- Как необычно. Совсем никого не напоминает. И что же дальше?
- А дальше я уехал за ней в один из ашрамов. Что-то вроде Города рассвета.
- Обители надежды?
- Да. Там я и застрял. Поклоняюсь цветам и провозглашаю, что *«каждый должен уподобиться цветку: стать открытым, честным, равным, щедрым, приветливым»*.
- А я? – поморщилась Аня.
- А ты спасаешь непутёвого брата. Поехала вместе со мной. Теперь слушаешь, как я пою мантры, и ждёшь возможности вернуть меня в Москву.
- Ты, кажется, хотел придумать что-то правдоподобное.
- О, тут не беспокойся. Папа поверит в любую гадость про меня. Скажи, что я опять его подвёл, что угодил в очередную передрагу, и он не станет сомневаться.

Дима произнёс это с болезненной весёлостью. Будто наслаждался, представляя, как папа станет на него злиться. Ане слова брата не понравились.

- Папа сразу полетит в Индию.
- И хорошо, – кивнул Дима. – Пусть летит. Он там ничего не найдёт. Таких ашрамов сотни. Если не тысячи. Главное, что поиски уведут его подальше от всех Скоробогатовых с Затрапезными. А потом... когда всё закончится, мы скажем ему правду. И он поймёт. Оценит. Да, сейчас мы ему соврём, но это только чтобы защитить его и маму, ведь так? – Последние слова Дима произнёс с нескрываемой болью.

В письме Аня воспроизвела выдуманную братом историю, только добавила, что постарается поскорее выволить его из секты, а сама тем временем будет изучать индийские узоры. «Неплохой материал для будущей курсовой». Попросила родителей не волноваться. «Так бывает... Нужно просто подождать». И предупредила, что ещё пару недель не сможет отвечать на звонки, – заранее извинилась, что вовремя не поздравит папу с днём рождения.

Прежде чем отправить письмо, Аня и Дима сняли со своих карточек все доступные деньги. Догадывались, что папа их заблокирует. Затем по настоянию Максима избавились от старых сим-карт, а в Перу купили новые.

Сейчас, сидя на втором этаже синего междугороднего автобуса «Крус-дель-сур», Аня с грустью вспомнила полученный от родителей ответ. Не стала показывать его Диме. Папа там наговорил много лишнего. Но в целом их задумка сработала. Папа поверил в нелепую историю про ашрам. Дима оказался прав.

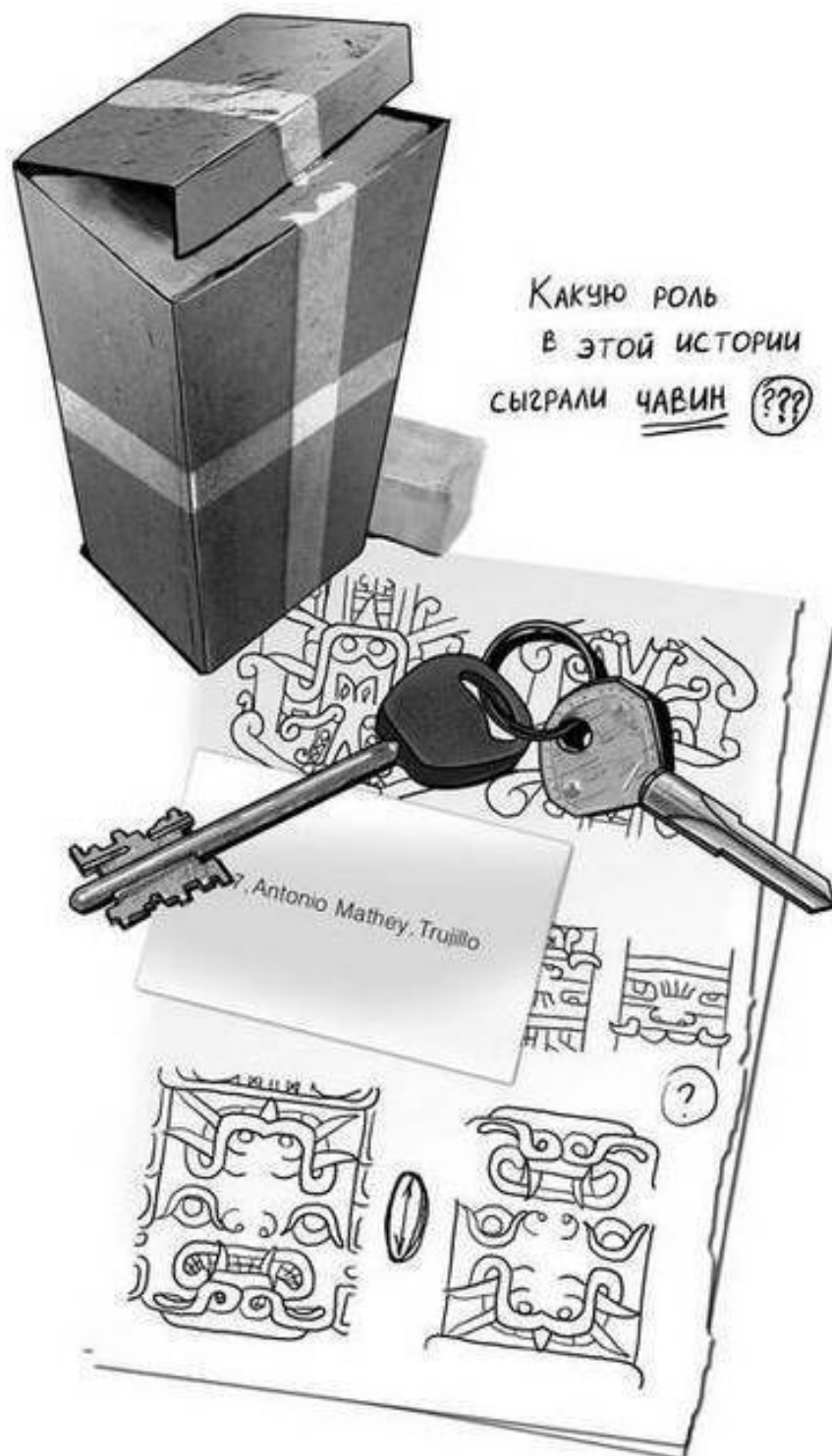
За окном тянулась пыльная обочина Панамериканского шоссе. Среди серых холмов, больше похожих на мусорную свалку, открывались кирпичные скворечники трущобных поселений. Порой их сменяло яркое строение аквапарка или отдельное цветастое здание, но в остальном Аня уже час наблюдала лишь унылую ржавчину барачных бараков. За Пуэнте Пьедра пригородные пейзажи ненадолго оживились, но и там дома стояли неоштукатуренные, лишённые крыш. Их ещё не успели толком достроить, а они уже частично обветшали и обрушились. И всё же в них жили люди – Аня видела вывешенное для просушки бельё.

Неодолимое чувство бесплодия. Выжженная земля под беспощадным солнцем. Никакой зелени. Лишь пылевая завеса и давно выцветшие рекламные плакаты инка-колы. Аня не ожидала, что Перу предстанет перед ней столь безжизненным.

Вчера, вернувшись в хостел, Максим вскрыл полученную в музее коробочку. В ней, заложенные поролоном, лежали два ключа на спиральном кольце: обычный крестообразный и ключ побольше, для сувальдного замка. Под ними нашлась плотная мелованная карточка с написанным от руки адресом одного из домов на улице Антонио Матея в городе Трухильо. Больше ничего. Ни письма, ни новых шифровок. Ни единой подсказки, как использовать переданные ключи. Впрочем, Максим не сомневался, что они откроют входную дверь дома в Трухильо, поэтому на рассвете повёл всех на вокзал и там купил билеты на ближайший автобус. Их ждал восьмичасовой переезд по иссушённому океаническому побережью.

– Думаешь, там будет Дельгадо? – спросила Аня, когда охранник на вокзале, предварительно обработав руки антисептиком, принялся изучать содержимое их сумок.

– Не знаю. – Максим качнул головой.

О вероятности встретить в Трухильо Шустова-старшего Аня и не заговаривала. Слишком уж часто Максим обманывался в ожиданиях: для начала в Ауровиле, затем в Далхуси, наконец в Хундере. Теперь, кажется, примирился с тем, что не сможет разом раскрыть все тайны отца, согласился безропотно подбирать разбросанные им крошки – одну за другой. Перестал мучить себя догадками и теориями. За последние две недели ни разу не упомянул дневник Затрапезного. Если верить Шустову-старшему, Затрапезный вёл его вплоть до того дня, когда окончательно пропал; Скоробогатов с самого начала охотился за дневником – не боялся ни крови, ни страданий других людей. А ведь первое время Максим часто гадал, что именно там написано и почему Лиза с такой настойчивостью просила его не открывать дневник, если тот вдруг попадёт к нему в руки.

– Мы должны его найти! – говорил Максим. – Любой ценой.

– Зачем? – удивлялась Аня.

– В нём наше спасение. Отдадим его Скоробогатову, и всё закончится.

О том, захочет ли Максим, несмотря на предостережения Лизы, заглянуть в дневник, Аня не спрашивала. Знала, что Максим ответит честно, и боялась, что ответ ей не понравится. Сейчас, размышляя об этом, безучастно смотрела на очередной запылённый городок.

Когда автобус остановился перед светофором, на пешеходный переход выбежали трое молодых перуанцев. Они были без рубашек, только в белоснежных шортах и кроссовках. Загоревшая кожа тренированных тел выдавала давнюю привычку ходить в таком виде. Аня поначалу не поняла, чего они добиваются: попрошайничают или что-то продают, – но в следующее мгновение все трое одновременно сделали сальто. Затем один из них забрался к остальным на плечи и, перевернувшись через голову, спрыгнул на выжженный асфальт. Уличные акробаты. Выступали в отведённые им светофором полторы минуты и ничего не ждали взамен. Каждый следующий номер получался всё более сложным, и Аня с Димой, оба сидевшие у прохода на третьем ряду, приподнимались над спинками сидений, чтобы лучше рассмотреть неожиданное представление. Максим, сидевший с Аней, возле окна, к акробатам интереса не проявил.

Едва загорелся зелёный свет, они разбежались. Автобус тронулся с места, и за шоссе обочины вновь потянулись ржавые оазисы жилых зданий. Их окружали неизменные разливы песка и камней, перемешанных с бытовым мусором и строительными отходами.

– Скорее плесень, – перегнувшись через подлокотник, прошептал Дима.

– Ты о чём? – не поняла Аня.

– Да так, вспомнил... Конрад Лоренц писал, что современные однотипные застройки вот таких бедных кварталов – ну, знаешь, налеплены один на другой, и все убогие, страшные, – так вот если сфотографировать такие кварталы с воздуха, то фотография напомнит гистологическую картину раковой опухоли. Согласись, в этом что-то есть.

– Ну не знаю, – Аня не видела снимков раковой опухоли и даже не хотела их себе представлять.

– Есть-есть, точно говорю. А гистологическая картина здоровой ткани, соответственно, больше похожа на землю, очищенную от бараков и захламлённых дворов. Весело, правда?

– Хочешь сказать, что...

– «Люди – болезнь, раковая опухоль планеты», – процитировал Дима. – Это из «Матрицы». Зои оценила бы.

– Охотно верю.

– Обожаю такие сравнения. Только мне кажется, – Дима всмотрелся в окно, будто проверяя собственную мысль, – что тут скорее плесень. Токсичная и стойкая... Как тут вообще жить? Ни рек, ни озёр. Пустыня. И это на берегу океана!

Ближе к границам парка Раймонди в самом деле началась пустыня светло-жёлтого песка. У дороги встречались полосы прохудившихся кирпичных заборов, непонятно зачем постав-

ленных и что оберегавших. В отдалении от шоссе стояли совсем уж обветшавшие и отчасти превратившиеся в барханы дома. И там тоже кто-то жил.

– Плесень, – шёпотом повторил Дима и откинулся на высокую спинку сиденья. Кажется, приготовился спать. Так и не успел восстановиться после долгого перелёта.

Аня насторожённо посмотрела на брата. Её пугало и одновременно радовало то, как изменилось его поведение. В поступках и словах Димы появилось больше уверенности. К тому же ещё в Индии, угодив в плен к Егорову, он каким-то чудом успел постричься, переодеться в новенькие джинсы и фланелевую рубашку с клеткой-тартан. Прикупил красивую трость и кожаную жилетку. Теперь каждый день пользовался туалетной водой. Правда, излишне усердствовал в стремлении сохранить новый образ – по такой жаре не снимал жилетку и вчера в Лиме весь взмок, прежде чем в город пришла вечерняя прохлада.

Тем временем справа за окном где-то в глубине пылевых облаков проглянули могучие абрисы тёмных гор – Кордильер, близость которых здесь, в пустыне, казалась почти невероятной, – а слева обозначилась зубчатая кромка обрыва. Из его глубин тянуло густым туманом, скрывавшим за собой просторы океана. Автобус то с усердием заползал на очередной холм, то лихо с него спускался. Дима и Максим спали. Аня и сама временами закрывала глаза, но любопытство не давало ей покоя, и всякий раз, очнувшись, она с интересом всматривалась в окна.

Когда внизу, под гористыми холмами, открылись зелёная долина и высвеченный солнцем прибой возле Плайя Чакраймар, Аня, не сдержавшись, растолкала Максима. Хотела, чтобы и он насладился видом цветущих полей, однако вскоре убедилась, что их благополучие обманчиво. Тонкий слой плодородия на глубинах бесплодной земли – зелёное полотно, настеленное поверх пустыни и прибитое к ней колышками неказистых, лишённых кровли домов.

За оазисом шоссе вновь повело через мертвенные дюны. Теперь дома встречались реже. Аня с грустью смотрела на билборды, покрытые лохмотьями обесцвеченной рекламы, на стены давно покинутых землянок. Утомлённая однообразием дороги, перестала сопротивляться сну. Остаток дороги провела в беспокойной дреме. Максим разбудил её лишь на подъезде к Трухильо.

Пригород утопал в серости дымчатого кирпича и раскрошенного бетона. Даже в автобусе чувствовалось, что кварталы пропитаны кислым зловонием: запахи перепревшего мусора смешались с тяжёлыми ароматами зверинца, будто в каждом из полуразрушенных зданий временно ютились бедняки и домашний скот. Впрочем, к центру города улицы становились всё более опрятными.

Выбранная Аней гостиница располагалась в районе, который местные жители называли Чикаго. Небоскрёбов и гигантских бобов из нержавеющей стали тут, конечно, не было, но в местном Чикаго по меньшей мере ничто не напоминало о виденных на окраине трущобах: дома постройнели и посвежели, с тротуаров исчезли наносы мусора, а главное, полностью развеялся кислый запах свинарника.

Пока администратор гостиницы переписывал данные их паспортов, Дима с Аней прошли по холлу. Осматривались, с радостью подставляли лица под прохладу стрекотавших тут потолочных вентиляторов. По стенам холла висели деревянные полки с выставленными на них керамическими репликами. «Мбче», «Сикан», «Чимбр» – Аня читала названия царств северного побережья, каждое из которых было представлено десятком традиционных статуэток с нелепо гипертрофированными частями тел. Всё это отчасти напомнило комнату брата с неизменным полчищем ошестинившихся солдатиков и нерушимой крепостью «Лего».

По улицам Трухильо скользили первые порывы вечерней прохлады, хотелось отдохнуть. Однако Максим ещё в дверях снятого ими трёхместного номера заявил, что немедленно отправится по указанному на карточке адресу.

– Я поеду один. А вы пока... обустройвайтесь.

– *Обустроивайтесь?* – с насмешкой переспросил Дима, допивая инка-колу. – То есть доставляйте сменную одежду и взбивайте подушки? Что тут ещё обустроивать?

– Я скоро вернусь.

Максим, ничего не объяснив, вышел в коридор.

– Как это понимать? – с раздражением бросил Дима.

– Там может быть его папа, Сергей Владимирович, – предположила Аня. – Вряд ли, конечно, но...

– Чушь. Нет там никакого Сергея Владимировича.

Дима ходил по комнате. Остался не у дел и злился из-за этого. На ходу поглаживал болезненное бедро, поглядывал на дверь, будто надеялся, что Максим одумается и вернётся. Наконец заявил, что сам позвонит племяннику Гаспара Дельгадо.

– Не делай этого, – насторожённо попросила Аня и на время отвлеклась от рюкзака, в котором искала зубную щётку.

– Что значит *не делай*? – Дима отбросил на кровать пустую бутылку инка-колы. – Макс обрадуется. Пока он там едет, узнаем что-нибудь про Дельгадо, чем плохо? Просто скажем... Как там его зовут?

– Артуро.

– Вот. Скажем Артуро, что получили его номер в музее. Что интересуемся судьбой его дяди.

– *Скажем?*

– Ну, ты скажешь.

– Макс говорил, что позвонит Артуро только в крайнем случае. Мы не знаем, кто он и чего хочет на самом деле.

– Вот и узнаем.

– Дим...

– Ты вообще на чьей стороне? – вспыхнул Дима.

– Господи, о чём ты?! Какие стороны?

– Ну да, конечно. Как будто я вас не видел.

– И что ты хочешь сказать?

– Ничего. И так всё понятно.

– Что?

– С того момента, как вы вдруг стали ходить под ручку и целоваться у всех на виду, они сразу и появились.

– Кто появился?

– Стороны, вот кто! Его и моя. Разве не очевидно?

Бессмысленный спор утомлял. Когда Дима набрал номер, оставленный племянником Дельгадо, Аня больше не пыталась возражать – согласилась с ним поговорить.

Хотя прошло три года с тех пор, как Артуро наведёлся в музей Лимы, звонку он не удивился. У племянника Дельгадо был приятный голос. Слушая, с каким теплом он говорит о своём дяде, Аня постепенно расслабилась. Впрочем, Артуро не сказал ничего ценного. Лишь под конец пригласил к себе в гости, обещал показать рабочий кабинет Дельгадо и кое-какие из его вещей. Аня согласилась записать адрес. Оказалось, что Артуро живёт в Трухильо, в нескольких кварталах от их гостиницы. Такое совпадение насторожило, и, закончив разговор, Аня вновь высказала Диме своё недовольство тем, что они пошли наперекор желанию Максима.

Дима не обратил на её слова внимания. Довольный, подмигнул сестре и, не снимая ботинки, завалился на кровать. Носил эту пару уже несколько месяцев. И в жару, и в холод. От них теперь шёл неприятный запах. Аня подумала, что нужно купить брату дезодорант для обуви.

Поездка Макса заняла чуть больше часа. Едва он появился в дверях номера, Дима тут же соскочил с кровати и принялся рассказывать о разговоре с племянником Дельгадо. Говорил возбуждённо, почти радостно и так выдал свой страх. Боялся осуждения.

Максим ничего не сказал в ответ. Лишь коротко кивнул и тут же направился к своей кровати.

– Нам ведь не обязательно к нему идти, – продолжал Дима, и это уже звучало как оправдание. – Главное, мы просто знаем, где его искать. Пусть и дальше живёт себе спокойно.

– Нет, – Максим качнул головой.

– Что?

– Завтра пойдём к нему.

– По адресу не было ничего интересного? – догадалась Аня.

Максим даже не посмотрел на неё. Всё-таки остался недоволен их звонком Артуро. Стоило предупредить Максима, написать ему эсэмэску.

– Ни один из ключей к двери не подходит. По меньшей мере сейчас.

– Это как? – не понял Дима.

– Дверь старая. А замок явно новый.

– Туда могли заехать новые жильцы... Дельгадо ведь отправил свою открытку пять лет назад.

– Да. А умер ещё раньше, – Максим завалился на кровать. – Внутри кто-то был. Я слышал женский голос.

– Ты постучался?

Максим ответил не сразу. Словно обдумывал правильность своих решений, прежде чем признался:

– Постучался.

– И?

– Открыла какая-то женщина. По-английски она не говорила и никакого Дельгадо знать не знала. Так что да, там уже, наверное, новые жильцы.

– А ключи? Их же два. Думаешь, оба были от двери?

– Не знаю. Замок там один.

– Что теперь? – тихо спросила Аня.

– Теперь отправимся к вашему новому другу. Посмотрим, что он скажет.

Глава четвёртая. Стена рубежей

Артуро вёл утомительную экскурсию по второму этажу своего дома. То и дело нарочито упоминал о личном знакомстве с Шустовым-старшим, всякий раз говорил о нём до того восторженно, что Максима подмывало ответить грубостью. Впрочем, Аня всё равно отказалась бы переводить его колкости.

Пройдя через весь зал, Артуро показывал коллекцию масок чанкайской культуры: «О нет, что вы, что вы. Конечно, это не подлинники. Но, поверьте, они выполнены с предельной точностью. Вот, посмотрите на эту маску. Оригинал находится в Лиме. Тут воспроизведён даже скол у правой глазницы». Артуро настойчиво рекомендовал Максиму сходить на местную Пласа-де-Армас и там непременно зайти в расположенную по соседству церковь Эль-Кармен, «прекрасный образчик колониальной культуры». Предложил сопроводить его туда и на месте рассказать историю церкви.

– Поверьте, она великолепна! – настаивал Артуро, поправляя полуободковые очки. – И дело не в фасадах. Там стоит алтарь, вырезанный в стиле чурригереско. В прекрасной сохранности.

– Там в самом деле может быть красиво, – робко заметила Аня.

Максим посмотрел на неё с укоризной. В надежде отделаться от навязчивого гостеприимства и в то же время отвечая вполне искренно, сказал:

– Не люблю храмы, крепости, дворцы.

– Почему?! – ужаснулся Артуро и щёлкнул своей серебристой «зиппо».

– Да, в них есть своя красота, не спорю. Все эти фрески, алтари и... колонны. Но мне сложно восхищаться тем, что было построено рабами. А в данном случае, – Максим указал на развешенные по стене маски, – построено рабами на руинах собственной культуры.

– Ну ты даёшь, – прошептал Дима.

Артуро чуть не захлебнулся в потоке вырвавшихся слов. Говорил долго и громко. Аня едва успевала переводить его рассуждения о колонизации Южной Америки. Максим особой заинтересованности не выказал, и как-то само собой получилось, что его место занял Дима; он только обрадовался возможности поговорить с человеком, хорошо знавшим историю Перу.

– Странно заявлять, что испанцы поработили индейцев! – настаивал Артуро. – Здесь, на территории Перу, до прихода конкистадоров проживали миллионы людей. Думаете, они были свободны? Нет! Они всегда оставались рабами собственной знати! Никто из тех, кого мы обобщённо называем инками, не мог самостоятельно выбрать ни род занятий, ни место жительства. Мужа или жену за них выбирало государство. Вы ещё ребёнок, едва научились ходить, а ваше будущее предрешиено – будете вы ткать, плотничать, мастерить зернотёрки или добывать золото. И только попробуйте отказаться от того, что вам навязывают! Государство по всей строгости карало бродяг и бездельников. Вот так. А вы говорите, рабство. При испанцах ничего подобного не было.

Максим шаг за шагом отходил от разгорячившегося Артуро. Притворялся, что любит тяжёлыми овальными кронами авокадо, росших за окном, – улица едва просматривалась через гущу их лавровых листьев, и дом стоял в приятном отъединении; ничто не мешало представить, что ты находишься, например, где-нибудь в уютном уголке Пиренейского полуострова. Затем Максим повернулся к Стене рубежей и поражений, которую с полчаса расхваливал Артуро. Сделал вид, что не успел по-настоящему насладиться её своеобразием.

Артуро на манёвры Максима не обращал внимания. С оживлением, отчасти подтверждавшим его слова о прежней работе преподавателем, отвечал на Димины вопросы:

– Нет. Никаких рынков, никаких денег. Да и торговли как таковой в Тауантинсуйю, в государстве инков, не существовало. Даже свободный обмен был запрещён. Всё необходимое

индейцы получали с государственных складов. То есть за вас решали, как и чем вы будете питаться, какую одежду носить и в каком доме проведёте жизнь. Понимаете?

Аня не успевала перевести предыдущую фразу, когда Артуро в запальчивости начинал следующую, так что в зале почти одновременно звучали два голоса, изредка прерываемые голосом Димы.

Максим надеялся, что его отсутствия никто не заметит. Шаг за шагом продвигался к двери. Осматривал выкрашенную в бледно-зелёный цвет и хаотично завешенную деревянными полочками Стену рубежей. Артуро чуть ли не в первую очередь повёл гостей именно сюда. Начал рассказывать о ней ещё на лестнице:

– Знаю, обычно люди хвастают своими победами: дипломы, медали, почётные грамоты или фотографии с известными людьми, не так ли? Но победы – это всегда законченные истории. Стена побед – это кладбище, на котором вы отдаёте дань прошлому. Печальное зрелище. А моя Стена – собрание начал. Черета первых шагов. Когда я смотрю на неё или когда рассказываю о ней кому-то, чувствую себя по-настоящему живым.

На одной из полочек возвышался стеклянный колпак. Под ним на подставке лежала белая сигарета с едва различимой печатью «INKA» у фильтра и расположенным там же индейским профилем.

– Древняя! – сказал Артуро, когда они впервые подошли к Стене рубежей. – Найдена при раскопках. На самом деле нет, конечно. Шучу. Это моя тридцать седьмая последняя сигарета. Да, я много лет не мог бросить курить. Тщетно пробовал ровно тридцать шесть раз. И каждый раз с такой жалостью смотрел, как уголёк доходит до фильтра... Выбрасывал остальные сигареты, а на следующий день или через несколько дней покупал новую пачку. Ничто не помогало. А потом Серхио – да, Максим, ваш отец – сказал мне мудрую вещь. Вроде бы как это слова Ганди. Так вот, Шустов сказал, что «отказ от предмета желания без отказа от самого желания бесплоден, чего бы он ни стоил». И мне это помогло. Я понял, что последняя сигарета должна остаться вовсе не прикуренной. И всегда лежать на виду. Чтобы я помнил об истинной природе своего выбора.

На соседней полочке под таким же стеклянным колпаком лежал зуб. Как оказалось, не менее ценный экспонат Стены рубежей.

– О, это мой пятый верхний зуб, то есть второй премоляр. Его, как видите, вырвали, а зуб-то здоровый, ни пятнышка. Память о моей глупости. У меня на шестом, соседнем, зубе стояла пломба. Она со временем поизносилась, и через неё в корень попали бактерии. Нерв мне удалили, и я не почувствовал, как там растёт киста. То есть поначалу не почувствовал. А потом киста стала поддавливать и пятый, полностью здоровый зуб. Но к врачу я не пошёл. Всё откладывал. А когда решился, было поздно. Пришлось удалять и пятый, и шестой. Киста разрослась до гайморовой пазухи. Теперь я показываюсь дантисту каждые три месяца. Вот так.

Надо полагать, этот экспонат действительно изменил жизнь Артуро: зубы у него были ровные, белые, что он демонстрировал при любом удобном случае. С гордостью предложил всем осмотреть их вплоть до едва проглядывавших зубов мудрости – предельно широко раскрыл рот, чем, правда, напугал Диму. Только Аня согласилась заглянуть, даже похвалила прикус.

– Возраст – лучший учитель анатомии, – заявил довольный Артуро. – С годами не остаётся тела целиком, как это бывает в детстве, когда лишь изредка выделяется и тут же забывается ушибленная коленка или растянутое запястье. Теперь у меня нет зубов вообще, есть конкретный первый моляр-имплант, боковой резец с пломбой, центральный резец с трещинкой и так далее. Я уже знаю, где у меня почки и печень, где сердце. Тело превратилось в конструктор, в оружие. Я им пользуюсь, я поддерживаю его в отличной форме, однако оно перестало быть мною. И это удобно. Начинаешь более деловито к нему относиться и, например, спокойнее воспринимаешь его жидкости, которые раньше вызывали отвращение.

– Чудесно, – прошептал в ответ Максим.

На других полочках Стены лежали смятая десятиевровая купюра с надписями на полях, сломанная ручка, порванный блокнот, какой-то счёт с печатями и цифрами, подчёркнутыми красным маркером. И за каждым экспонатом стояла отдельная история. К счастью, Артуро ограничился рассказом лишь о тех, к которым проявила интерес Аня. Среди прочего она указала и на шестимиллиметровую песчинку, уютно выложенную на белоснежной ткани и похожую на крошку засохшей карамели. Песчинка оказалась конкрементом – камнем из почек Артуро, историю которого он не замедлил тут же рассказать.

Общение с племянником Дельгадо Максим полностью доверил Шмелёвым – сам в его присутствии предпочитал молчать. Вот только Артуро поначалу старался заговорить именно с Максимом и ещё в прихожей вслух подметил, как тот напоминает ему Шустова-старшего.

«А чего ты удивляешься? Ты в самом деле похож на отца». – «Я не удивляюсь. Просто злит, когда все вспоминают о нём с таким восторгом. Будто он святой мудрец, не меньше». – «Им знаком другой участок его *поведенческого диапазона*». – «Это точно. На моём участке отец бросил дедушку умирать и оставил семью в долгах. Вот и вся святость».

Артуро было лет сорок. Вполне европейская, но своеобразная внешность. Голова то ли неправильно посаженная, то ли просто маленькая, из-за чего глаза и ноздри казались непропорционально большими. Такими же непропорциональными были оттопыренные, отчасти свёрнутые, как это встречается у борцов, уши. Максим не доверял приветливости испанца. Допускал, что Артуро, подобно Сальникову, некогда близкому другу Шустова, последние годы лишь ждал возможности выслужиться перед Скоробогатовым. Если так, Максиму следовало немедленно увезти друзей подальше из Трухильо. «Не сходи с ума от страха». – «Это не страх. Это осмотрительность». – «Ну да, где-то я уже слышал такую отговорку». – «Не забывай, Скоробогатов семь лет назад купил в Лиме несколько компаний». – «Не забываю».

В любом случае, Максим пока не думал о побеге. Для начала требовалось узнать всё возможное об участии отца и Гаспара Дельгадо, а главное, выяснить, что раньше находилось по указанному на карточке адресу и как использовать полученные в музее ключи.

Пройдя Стену рубежей, Максим наконец приблизился к двери. Мельком оглянулся на Артуро и Шмелёвых. Они оказались к нему спиной. Артуро по-прежнему говорил о колонизации Перу, при этом все трое продолжали осматривать тёмные, почти плоские маски чанкай.

– Более того, – настаивал Артуро, хотя никто и не пытался ему перечить, – можно сказать, испанцы принесли инкам свободу. Не прошло и шести лет после того, как Писарро отплыл из Панама завоёвывать Перу, а папа Павел Третий уже выпустил буллу «*Sublimus Deus*», запретившую рабство индейцев! Булла официально подтвердила принадлежность индейцев к человеческому роду, их способность приобщиться к истинной вере.

– Это... вполне великодушно, – заключил Дима. Пожалуй, чересчур серьёзно. В его голосе не было и намёка на иронию. Он даже записал название буллы в телефон. Конечно же решил упомянуть её в своей книге.

– Ещё бы! – согласился Артуро, когда Аня перевела ему Димины слова. – Индейцы в Перу всегда обладали теми же правами, что и мы, покорившие их испанцы. Исключительно так и никак иначе.

«*Мы, покорившие их испанцы...*» Максим окончательно убедился, что Артуро ему неприятен. Теперь, оказавшись на местной Пласа-де-Армас, не то что не согласится зайти полюбоваться злосчастным алтарём Эль-Кармен – даже на её расчудесные фасады смотреть не будет. Нарочно зажмурится и пройдёт мимо.

– Испанская корона всегда признавала индейцев такими же полноправными подданными в королевстве Перу, как и, скажем, кастильцев в Кастилии. Более того, корона сохранила все титулы и привилегии инкской знати. И ещё про так называемое *рабство*. «Новые законы» тысяча пятьсот сорок второго года чётко установили, что размер новой подати не должен быть

ни на один мараведи больше, чем в доколониальный период. Как вам? О каком рабстве тут можно говорить?

Максим испугался, что Артуро обратится с этим вопросом к нему лично, и поторопился выскользнуть в коридор. Его побег отчасти прикрыли стоявшие в центре зала П-образный диван с высокой спинкой и два торшера с громоздкими абажурами.

Пройдя вдоль балюстрады с витыми балясинами, Максим заглянул в спальню Артуро. На первый взгляд ничего примечательного не обнаружил. Кровать, укрытая лёгким фланелевым покрывалом. Два платяных шкафа, плотные занавески на окнах. Всё это – в тёмно-фиолетовых тонах. Даже потолок был покрыт фиолетовыми панелями с вкраплениями золотистых лампочек. Максим осмотрел письменный стол. Наскоро выдвинул ящики – пролистал найденные бумаги. Напоследок заглянул под кровать, посмеиваясь над собой и с удивлением признавая, что страх быть застигнутым ему по-своему нравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.